

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 4 (№), 2022

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Критика

"Голомяное пламя" - пять лет спустя...

СПЕЛЛЕР Данил

ПетрГУ (Петрозаводск),
speller2012@mail.ru

Спустя пять лет после первой публикации «Голомяного пламени» в Национальном театре РК с успехом идёт одноименный спектакль, а в карельском издательстве готовится к выходу долгожданное переиздание романа, вошедшего в списки «Русского Букера», «Ясной поляны», «Национального бестселлера» и др. О том, что не увидели, упустили в тексте критики и литературоведы – в нынешней статье.

«Голомяное пламя» Дмитрия Новикова – один из тех текстов, что отзываются эхом в литературном процессе спустя годы после публикации. И с каждым витком – отзвук все глубже. Объемнее. О произведениях Новикова иные критики уже отзывались с восторгом: А. Рудалев, в «Дружбе народов», коллега писателя Р. Сенчин, назвавший приятеля «новым почвенником», стоит отдельно выделить и статью известного карельского литературоведа Л.И. Мальчукова «Немецкая мельница. Карельское Сампо». Тем не менее их не услышали и не поняли. В литературе Карелии так происходит вообще удручающе часто. До Новикова был «магический реалист» В. Пулькин, замечательные книжки которого давно уже стали библиографической редкостью. Или Юрий Линник. Фигура симфоническая, в чем-то конгениальная легендарному «южинскому кружку»: Мамлееву, Головину, Джемалю. Одно поколение. Одни темы. Однако осмыслен ли Линник так же, как осмыслено сейчас московское «мистическое подполье»? Новикову, на наш взгляд, так же не хватает «понимания». Несмотря на коммерческий успех его *orustagnim*, изданного в крупнейшем издательстве России, переведенного на английский язык (впрочем неудачно) – сущностная оценка роману не дана. А поэтика – упущена. Тогда как для «северного текста русской литературы» - «Пламя...» беспрецедентно. Давно загадка Карельского Севера не изображалась столь же концептуально.

Я не случайно вспомнил «южинцев». Некогда «проклятый» поэт Евгений Головин, собирая разные древние учения, тексты, концепты, обобщил, что Север – суть мужское начало. Ориентация на Север, следовательно, это устремление к «патриархальной» самости. Чем ближе к Северу – тем дальше от «южной», довлеющей Богини-Матери. Подобная *эмансипация* – один из ведущих гештальтов «маскулинного» идиостиля Новикова, который, по воспоминаниям Захара Прилепина всегда «страстно, мучительно, неустанно любил женщин» («Ботинки, полные горячей водкой», 2008). Порой, как и всякий мужчина, себе же во зло.

И герой «Голомяного пламени» - что никто почему-то не заметил - отправляется в путешествие к удаленной деревне Кереть с этим же определённым намерением: преодолеть в суровых условиях Беломорья зависимость от Женского. Стать мужчиной. Утвердить патриархальность. Описывая фигуру таинственной, роковой «женщины с Белого моря» Новиков от лица лирического героя выделяет важную деталь: «Надеждой и ответом на все жизненные вопросы мнилась она мне. Будучи уже опытным в вопросах отношений с женским полом, я тем не менее поддался искушению, словно слепой кутенок, тянущийся губами к сосцам желанной, божественной матери»^[1]. Финал отрывка – не что иное как сакральная формула «вечной женственности», «кастрирующей» и завораживающей. Да, именно «кастрирующей», в фрейдистском смысле этого слова – т.е. истощающей жизненные силы. Не случайно в эротическом сне-воспоминании все того же героя-рассказчика женственность показана как губительная для героя, сковывающая, душащая: «Я так бесстрашно любил это раньше. Любил и сейчас, пока не стал задыхаться. Воздух кончался, и горячая радость, что только что была жизнью, стала душной, тяжелой, смертельной. С трудом я открыл глаза, проснулся и с отвращением откинул с лица мокрую с вчерашнего дождя шерстяную шапку...». Это так называемый «вампиризм» - в одном из эпизодов романа женщина буквально пьет кровь героя. С водкой.

Самое природа, пространство, окружающие героя в пути, наделяются мистической и соблазнительной феминной образностью: река под кромкой льда уподобляется «проказливой девчонке, которая, даже и одеялом накрывшись, выглядывает из-под него озорными глазками, хихикает и егозит, в любую минуту готовая выскочить и в пляс пуститься», сплетенные ветром ветви деревьев – женским волосам «после ночи

любви», а выловленная щука – «сильной и злой женщине». Как писал Гейдар Джемаль: «Вся реальность по своему существу является сугубо женственной» («Ориентация – Север», 1980). И символическая «борьба» с женщиной поэтому - борьба Духа с плотью. Война полов.

В этом и разгадка образа Варлаама Керетского. Мало кто понял, зачем он в роман включен, да еще и в центре, навязчиво, с вкраплениями древнего Жития. Но в указанном выше дискурсе все встает на свои места – он предстает центральной мифологической фигурой, аккумулирующей смыслы романа. Как гласит народное предание, кольский священнослужитель убил свою распутную жену из ревности, и отправился с ее трупом в лодке искупать смертный грех в поймы беломорских рек. Там Бог простил Варлаама, и направил в Кереть, где тот нашел свое последнее пристанище и смысл.

Как бы не казалось страшным, чудовищным содержание легенды – с символической, архаично-мифологической (вспомните любые греческие мифы) точки зрения это вполне типическая коллизия. Подобно тому, как Персей отсекает голову Горгоне, кладет ее в сумку, и становится мужчиной - убийство жены избавляет Варлаама от негативного влияния унижавшей его Женщины, и открывает пути к сакральной Керети...

Такое «мировиденье» - традиционно. Новиков вообще «традиционалист». Что тоже мало кто понял. Подобно писателям-деревенщикам, важному для Новикова Белову, Абрамову, Распутину, он мыслит «константами», «матрицами», «мифами», «архетипами» - что я уже, отчасти, показал. Традиция для него - «опыт выработанный кровью народа», «правда». И как в классическом русском романе – попытка «жить по лжи», не чувствовать традицию, «правду жизни» оканчивается в «Пламени...» кровью и страданиями.

В рамках большого исторического времени таким «переломом», на страницах романа, становится «коллективизация», которая ломает привычный, «от дедов» передававшийся, уклад хозяйства Керети, приводя село к упадку и разорению. Это распутинский сюжет. Пафос «Прощания с Матерой».

Тем не менее Новиков верит в ренессанс «русского мужика/крестьянина». Его стоический образ воплощен в поморах – не этносе, но самобытной философии жизни свободных людей -, которые как крепкая сталь гнутся, да не ломаются. Снова - убежден писатель - зацветет град Китеж, снова народные умельцы воздвигнут фабрики и соборы. И будет жизнь – веселая, удалая, русская.

Этим кончается роман. Преодолением энтропии, освобождением от темной Матриархальности, становлением нормальной, мужской Самости, независимости. «Мы не рабы, мы рыбы» - говорит сакраментальную формулу один из поморских персонажей. Подобный мужественный витализм, «героика повседневного» - одна из исключительных особенностей многослойного, богатого и сложного романа, еще требующего от читателя глубокой и всесторонней литературной рефлексии.

[1]Здесь и далее текст цит. по: Новиков Д. Г. Голомянное пламя – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной , 2017. – 349 с.